

Е. Ф. Синельникова

Научное сообщество раннесоветской эпохи в контексте социальной истории отечественной науки

Различным аспектам проблемы становления советской науки в первые послереволюционные десятилетия посвящено немало как отечественных, так и зарубежных исследований¹. Реорганизации Академии наук и системы высшего образования, создание исследовательских институтов, изменение положения ученых, преподавателей и студентов вузов, как правило, рассматривались через призму взаимоотношений науки с властью, лояльности/нелояльности ученых новому режиму. В этом отношении большой интерес представляет книга московского историка Е. А. Долговой, которая предприняла исследование структурных трансформаций отечественного научного сообщества в 1920–1930-е гг., работая в проблемном поле социальной истории науки.

Книга «Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг.» (М.: Изд. центр РГГУ, 2020) явилась результатом многолетней плодотворной работы. Как отмечает автор, исходной точкой стало изучение «закатного периода» жизни — с 1914 по 1931 г. — историка, социолога, методолога науки Николая Ивановича Кареева². Так, в центре внимания «выплеснувшегося за пределы биографических изысканий» исследования оказалось научное сообщество раннесоветского периода.

Поражает объем и разнообразие источников, ставших фундаментом исследования. Е. А. Долговой были привлечены материалы значительного количества архивохранилищ: Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Смоленской области, Российского государственного архива социально-

**Синельникова
Елена Федоровна**
канд. ист. наук, ученый
секретарь,
Санкт-Петербургский
филиал Института
истории
естествознания
и техники
им. С. И. Вавилова
(Санкт-Петербург,
Россия)

Обложка книги «Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг.» (2020)

политической истории, Российского государственного архива экономики, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга, Центрального архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Архива Российской академии наук, Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки, отдела рукописей Российской национальной библиотеки и др. В качестве источников, помимо традиционно используемых историками законодательных и нормативных документов, материалов делопроизводства, источников личного происхождения и т. п., автором были проанализированы также публицистика, периодическая печать, в том числе и научные журналы, а также лите-

ратурные и аудиовизуальные источники: кинофильмы 1918 — конца 1940-х гг., игровые и документальные.

Значительным элементом исследования Е. А. Долговой стала методология. В монографии отдельный раздел первой главы посвящен тщательному изложению методологической платформы автора, обусловленной необходимостью концептуального синтеза как современных науковедческих, так и конкретно-исторических методов и подходов. В качестве теоретической базы были выбраны влиятельные концепции социологии и психологии науки. Так, в качестве инструмента для соединения микро- и макроуровня исследования Е. А. Долгова применяла концепцию Марка Грановеттера, которая обосновывала корреляцию относительно узкого аспекта «микровзаимодействия с такими макрофеноменами, как социальная мобильность, политическая организация, социальная сплоченность в целом»³. Ключевой при оценке принципов формирования коммуникативных сетей стала теория интерактивных ритуалов Рэндола Коллинза. Также применялись теория конкуренции, концепция эффективного менеджмента, case study. Кроме указанных концепций социологии и психологии науки (так как исследуемые процессы относятся к прошлому), автором использовались методы исторического исследования: историко-сравнительный (в частности, метод индивидуализирующего сравнения), метод формализации и систематизации сведений массового источника, просопографический метод и т. п.

Структура монографии построена по проблемному принципу, при этом обширный научный материал нашел отражение в пяти главах книги, в каждой

из которых решалась своя исследовательская задача. Рассматривая в первой главе историографию, теоретические подходы к исследованию, а также источники, Е. А. Долгова сделала вывод о преимуществах изучения бытования научного сообщества в первые послереволюционные десятилетия в ракурсе социальной истории науки. По мнению автора, это позволяет сделать акцент не столько на факторах взаимодействия ученых и власти, сколько на скрытых конкурентных процессах и конфликтах внутри социально-профессиональной группы ученых, корпоративных правилах и механизмах ее функционирования⁴.

Исследуя социально-демографическую структуру научного сообщества 1918–1934 гг. Е. А. Долгова фиксирует его количественные и качественные трансформации. Увеличение численности научных работников сопровождалось появлением в ее конкурентном поле новых «игроков», которыми становились представители гендерных, национальных, возрастных и социальных групп, ранее не имевших доступа к профессии ученого. Этот процесс, по мнению автора монографии, стал возможным благодаря комплексному действию как объективных факторов, так и конкурентных событий — от юридических актов «равноправия» до социально-экономических трудностей периода революции и Гражданской войны⁵.

Анализируя научное сообщество в фокусе социально-экономической политики 1920–1930-х гг. Е. А. Долгова приводит ценные данные о размерах академического пайка, распределении ученых по категориям, количестве ученых — членов партии и кандидатов ВКП(б) в Москве, Петрограде — Ленинграде и провинции. Был сделан вывод о том, что научное сообщество в исследуемый период функционировало как иерархическое. Среди факторов, определяющих статусную позицию ученого в этой иерархии, ведущими были беспартийность/партийность и социальное происхождение.

Отдельная глава посвящена Институту красной профессуры (1921–1938), который был выбран в качестве институционального кейса советской науки. Е. А. Долгова объясняет это тем, что Институт являлся одним из «мобилизационных проектов» в сфере обновления науки и образования, и конкретные сюжеты из истории этого учреждения позволили подтвердить «статистические примеры предшествующей главы»⁶.

Особое внимание в монографии уделено анализу публичной роли ученого. Запрос на позитивную репрезентацию советской науки, в том числе и на международной арене, нашел выражение в расширении форм популяризации ее результатов, взлете научно-фантастической литературы и появлению научно-популярного кинематографа.

Интерес для читателей представляет Приложение «Роспись цитируемых изданий справочно-статистического характера», распределенных следующим образом: центральные издания, Комиссия АН СССР, «Наука и научные работники СССР», региональные издания, местные секции научных работников, Центральное бюро Секции научных работников, Экспертная комиссия ЦЕКУБУ, Центральное управление народнохозяйственного учета Госплана СССР. Приведенные в монографии разнообразные числовые данные, в первую очередь социально-демографического характера, имеют большую научную ценность

и могут использоваться исследователями отечественного научного сообщества в дальнейшем.

Характеризуя монографию Е. А. Долговой, нельзя не отметить, однако, определенные проблемы со стилем изложения. Понимание хода мысли автора затрудняют зачастую избыточно используемая специальная терминология и неоправданно длинные синтаксические периоды. Это, вероятно, обусловлено тем, что основой книги является текст докторской диссертации, защищенной Е. А. Долговой в сентябре 2020 г. Вместе с тем аннотация гласит, что книга «адресована всем интересующимся историей науки, историей России советского периода, социальной историей — прежде всего научного сообщества», т. е. предназначена не только для специалистов. Полагаем, что при последующих переизданиях, если они будут иметь место, следует подвергнуть текст серьезной стилистической переработке. Конечно, если автор заинтересован в том, чтобы книга нашла широкого читателя.

Тем не менее отмеченные недостатки не отменяют того, что монография Е. А. Долговой является крупным фундаментальным исследованием и, без сомнения, займет достойное место в современной отечественной историографии.

¹ См., например: *Graham L.R.*: 1) *The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932*. New Jersey, 1967; 2) *The Foundation of Soviet Research Institutes: A Combination of Research Innovation and International Borrowing // Social Studies of Science*. 1975. No. 5. P. 303–329; *Fitzpatrick S.* *The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, October 1917–1921*. Cambridge, 1970; *Josephson Paul R.* *Physics and Politics in Revolutionary Russia*. Berkeley, 1991; *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки, 1917–1922. М., 1973; *Беляев Е. А.* КПСС и организация науки в СССР. М., 1982; *Кунайгородская А. С.* Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти, 1917–1925. Л., 1984; *Чанбарисов Ш. Х.* Формирование советской университетской системы (1917–1938 гг.). М., 1988; *Есаков В. Д.* От Императорской к Российской: Академия наук в 1917 году // *Отечественная история*. 1994. № 6. С. 120–132; *Фомичев И. В.* Школа и просвещение в России в условиях войны и революции. Воронеж, 2001; *Курепин А. А.* Наука и власть в Ленинграде. 1917–1937. СПб., 2003; *Колчинский Э. И.*: 1) Академия наук и русские революции 1917 года // *Вестник Российской академии наук*. 2017. Т. 87, № 2. С. 166–176; 2) Академия наук в турбулентном поле революции 1917 г. // *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. 2018. № 2. С. 81–99; и др.

² *Долгова Е. А.* Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М., 2020. С. 11.

³ Там же. С. 39.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Там же. С. 151.

⁶ Там же. С. 238.

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2021 г.
Рекомендована к печати 21 августа 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Синельникова Е. Ф. Научное сообщество раннесоветской эпохи в контексте социальной истории отечественной науки // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 1063–1068. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.415>

Аннотация: В статье анализируется исследование современного московского историка Е. А. Долговой, посвященное структурным трансформациям отечественного научного сообщества в 1920–1930-е гг. Работая в проблемном поле социальной истории науки, автору удалось рассмотреть и проанализировать значительную по объему и разнообразию совокупность источников, в первую очередь интересные материалы, извлеченные из ряда федеральных и региональных архивохранилищ. Результаты многолетней исследовательской работы Е. А. Долговой нашли отражение в монографии «Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг.», вышедшей в свет в 2020 г. Анализируя научное сообщество в фокусе социально-экономической политики указанного периода, автор приводит ценные данные о размерах академического пайка, распределении ученых по категориям, количестве ученых — членов партии и кандидатов ВКП(б) в Москве, Петрограде — Ленинграде и провинции. Е. А. Долгова приходит к выводу, что научное сообщество в исследуемый период функционировало как иерархическое. Среди факторов, определяющих статусную позицию ученого в этой иерархии, ведущими были беспартийность/партийность и социальное происхождение. Особое внимание в исследовании уделено анализу публичной роли ученого. Запрос на позитивную репрезентацию советской науки, в том числе и на международной арене, нашел выражение в расширении форм популяризации ее результатов, взлете научно-фантастической литературы и появлению научно-популярного кинокадра. В целом монография Е. А. Долговой является крупным фундаментальным исследованием и, несомненно, займет достойное место в современной отечественной историографии истории науки.

Ключевые слова: история науки, научное сообщество, ученые, советская наука, СССР, раннесоветский период.

Сведения об авторе: Синельникова Е. Ф. — канд. ист. наук, ученый секретарь, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (Санкт-Петербург, Россия); sinelnikova-elena@yandex.ru

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 5

FOR CITATION

Sinelnikova E. F. 'The Scientific Community of the Early Soviet Era in the Context of the Social History of Russian Science', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 4, 2022, pp. 1063–1068. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.415> (In Russian)

Abstract: The article analyzes the study of Moscow historian E. A. Dolgova, dedicated to the structural transformations of the Russian scientific community in the 1920s–1930s. Working in the problematic field of the social history of science, the author managed to consider and analyze a significant complex of sources. There are interesting materials extracted from a number of federal and regional archives. The results of E. A. Dolgov's research work is reflected in the monograph "The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s–1930s", published in 2020. Analyzing the scientific community in the focus of socio-economic policy of the 1920s–1930s, the author provides valuable data on the size of the academic ration, the distribution of scientists by category, the number of scientists-members of the party and candidates of the CPSU(b) in Moscow, Petrograd-Leningrad and the provinces. It was concluded that the scientific community in the period under study functioned as a hierarchical one. Among the factors determining the status position of a scientist in this hierarchy, the leading ones were non-partisanship/partisanship and social origin. In the study, the special attention paid to the analysis of scientist and scholars' public role. The demand for a positive representation of Soviet science, including in the international arena, found expression in the expansion of forms of popularization of its results, the rise of science fiction litera-

ture and the emergence of popular science cinema. In general, E. A. Dolgova's monograph is major fundamental research, and, no doubt, will take its rightful place in modern Russian history of science historiography.

Keywords: history of science, scientific community, scientists, Soviet science, USSR, early Soviet period.

Author: *Sinelnikova E. F.* — PhD in History, Academic Secretary, St Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History of the Science and Technology of the Russian Academy of Sciences (St Petersburg, Russia); sinelnikova-elena@yandex.ru

St Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History of the Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, 5, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia

References:

- Bastrakova M. S. *The formation of the Soviet system of organization of science, 1917–1922* (Moscow, 1973). (In Russian)
- Belyayev Ye. A. *CPSU and the organization of science in the USSR* (Moscow, 1982). (In Russian)
- Chanbarisov Sh. Kh. *Formation of the Soviet university system (1917–1938)* (Moscow, 1988). (In Russian)
- Dolgova E. A. *The birth of Soviet science: scientists in the 1920s–1930s* (Moscow, 2020). (In Russian)
- Fitzpatrick S. *The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, October 1917–1921* (Cambridge, 1970).
- Fomichev I. V. *School and education in Russia in the conditions of war and revolution* (Voronezh, 2001). (In Russian)
- Graham L. R. 'The Foundation of Soviet Research Institutes: A Combination of Research Innovation and International Borrowing', *Social Studies of Science*, no. 5, 1975.
- Graham L. R. *The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932* (New Jersey, 1967).
- Josephson P. R. *Physics and Politics in Revolutionary Russia* (Berkeley, 1991).
- Kolchinskiy E. I. 'Academy of Sciences and Russian Revolutions of 1917', *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 87, no. 2, 2017. (In Russian)
- Kolchinsky E. I. 'Academy of Sciences at the turbulent pole of the 1917 revolution', *Politicheskaya kontseptologiya*, no. 2, 2018. (In Russian)
- Kupaygorodskaya A. S. *Higher school of Leningrad in the early years of Soviet power, 1917–1925* (Leningrad, 1984). (In Russian)
- Kurepin A. A. *Science and Power in Leningrad. 1917–1937* (St Petersburg, 2003). (In Russian)
- Yesakov V. D. 'From Imperial to Russian: Academy of Sciences in 1917', *Otechestvennaya istoriya*, no. 6, 1994. (In Russian)

Received: September 20, 2021

Accepted: August 21, 2022